

Отчий ДОМ

Богатейшие традиции древнерусской литературы Владимирской земли и сегодня живут в творчестве современных писателей. Как и во все времена, во все века тема вдохновения — духовное наследие отчего края. Редакция представляет отдельные страницы прозы и стихов известных владимирских писателей

ВСЕВОЛОД

Из романа «Большое гнездо»

Эдуард Зорин

...**Д**ень князя с утра до позднего вечера полон забот. Сразу же после трапезы отправился он на конюшню — смотреть подаренного болгарским ханом коня.

Еще издали услышал Всеволод возбужденные голоса людей, крики и смех. Челядины, конюшие и «молодые» дружинники собрались в толпу, и взгляды всех были устремлены внутрь конюшни, откуда доносилось возбужденное ржанье, стук копыт о деревянный настил и беспокойная возня. Вдруг из ворот выскочил парень с разбитым в кровь лицом, злобно выругался и остановился, как вкопанный, перед князем. Подначки и смех затихли, люди, пряча улыбки, низко склонились.

Старший конюший, крепкий мужик с длинными, свисающими до подбородка усами и черными точечками маленьких глаз, смущенно сказал:

— Зверя подарил хан, а не коня. Не подступись...

— Экой ты нескладный какой, — упрекнул Всеволод. — Честишь доброго коня, а хан прислал его мне с любовью. Лучшего выбирал в табуне.

— Да погляди-ка, княжо, — стал оправдываться конюший, — у него и глаза бесовские. Одно слово — нечистая сила.

— Третьего гридня облягал, — послышалось в толпе. — Верное слово — зверь...

Всеволод прошел через расступившуюся толпу, остановился в воротах. Еще вчера, когда проводили перед крыльцом подаренного

Эдуард Павлович Зорин (1931–1989) — один из самых ярких и популярных владимирских писателей. Главным его литературным трудом и жизненным подвигом стали четыре обширных романа о Владимиро-Суздальской Руси: «Богатырское поле», «Огненное порубежье», «Большое гнездо», «Обагрённая Русь». Далекое время Русской земли, события, грозные и озаренные пламенем борьбы за честь и самостоянье отчего края, характеры решительные и сильные, встающие со страниц его книг, влекут нас к себе живым патриотическим чувством, мастерством писательского пера.

ханом коня, в богатой сбруе, был он прекрасен в своей дикой нетронутости: сам серый, в белых яблоках, ноги тонкие, стройные, шея выгнута, морда длинная — с глубокими, трепещущими от возбуждения ноздрями... И так поразил Всеволода подарок, что снился конь ему и ночью. Будто наяву это было. Вел коня в поводу кривоногий болгарин с расщепленным наискось лицом, с вывернутыми

губами, в которых застыла злорадная усмешка. Страшно и сладко было князю во сне: гладил он коня по вздрагивающей холке, положив левую руку на луку, ногу вставлял в тонкое стремя... А дальше не видел себя Всеволод. Дальше все во сне путалось и переплеталось.

— Поостерегись, княжо, — послышалось за спиной. — Не ровен час — скакнет. Вона как глазищами-то косит...

Конюший дышал над ухом лучным перегадом, качал головой.

— Зови болгарина, — сказал кто-то. — Пущай выводит сам снова беса.

— Ишь ты, — дернулся Всеволод, — а мы, чай, вовсе оробели? — И твердо шагнул в конюшню.

Конь вскинулся на поводке, замесил воздух острыми копытами, заржал, откидывая красивую голову. В толпе охнули.

— Держи его, держи, — сквозь зубы прохрипел Всеволод.

Конюший, весь красный от напряжения, вцепился, изогнувшись, в поводок. Грузное тело князя мотнулось в воздухе — и вот он уже в седле. Конюший отшатнулся, кинул Всеволо-

ду повод — князь поймал его в воздухе, потянул на себя. В толпе разом выдохнули, люди раскинулись в стороны от ворот. Кого-то сшибли, кто-то закричал по-заячьи. Конь вымахнул на простор, на миг замер, ослепленный ярким солнечным светом, — малиновый кожух распахнулся у Всеволода на груди.

Ему бы годков десять сбросить с плеч, ему бы ловкости в теле и прежней силы в ногах — тогда бы не одолел его болгарский конь. Но время берет свое, не поворотить его вспять, не стряхнешь, как дорожную пыль с корзны, — и рухнул Всеволод с коня, покатился по мягкой траве.

— А-а! — заорал, страшно выпучив глаза, конюший.

И было с чего орать: нынче он за князя в ответе.

Люди, забыв про коня, кинулись к Всеволоду. Однако князь уже был на ногах. Потирая ушибленное колено, он добродушно улыбался:

— Чего гомозитесь? Аль впервой падать?..

Мужики засмеялись — сначала тихо, потом все громче и громче.

— А и верно, — раздались крики. — Чего испугались?!

— Доброго коня подарил князю болгарский хан.

— А ну, Еська, — подначивали иные конюшего. — Теперь твоя очередь!

— Лови его, братцы!..

Гридни заулюлюкали, погнались за конем, вертелись, прыгали вокруг него, задорно смеялись.

Князю подвели его любимого вороного скакуна. Все еще чувствуя боль в ноге, Всеволод вскочил в седло, повел по двору краем глаза — конюший уже вертелся на взлягивающем болгарском коне, — и в сопровождении двух дружинников выехал за ворота детинца.

Много городов повидал на своем веку Всеволод — был и в Новгороде, и в Чернигове, в Городце и Киеве, в Ростове и Рязани, бродил мальчишкой по улицам Царьграда и Аахена, но во Владимире при виде деревянных изб, могучих валов и церквей его охватывало особое чувство. Сюда въезжал он явно и тайно, под пение церковного клира и в ночной тиши, в украшенном золотом и серебром княжеском одеянии и в кольчуге простого воина. Сколько раз трепетало его сердце при виде Золотых ворот, сколько раз останавливался он в задумчивости, глядя на огненно горящий на солнце крест Успенского собора. Здесь, под сводами протопоповых палат,

прощался с отходящим в мир иной Микулицей, а вон там, за углом, высилась ныне сгоревшая усадьба боярина Захарии, дочь которого Евпраксию сватал он за своего удалого дружинника Давыдку. Умер Захария, снесли его, как простого смерда, на погост, исчезла в неизвестности удалившаяся в монастырь Евпраксия, Кузьма Ратьшич казнил предавшего князя Давыдку. Казалось, давно ли везли по этой улице на красных санях умершего в Городце на Волге брата Михалку и Всеволод, обливаясь слезами, припадал щекой к его почерневшему, неживому лицу. Двадцать лет минуло с того скорбного дня. Двадцать лет минуло с того дня, когда вели дружинники в поруб плененного Глеба со Всеволодовыми племянниками Метиславом и Ярополком и горожане, придвигаясь к пленникам, кричали и требовали суровой расправы. И по сей день еще звучит в ушах князя возмущенный гул толпы, и по сей день видит и не может забыть искаженные ненавистью лица людей... Сюда возвратился он после победы над Святославом, отсюда уходил в поход против непокорной Рязани. Видел он здесь и блеск и разорение, казнил Андреевых убийц, с берегов тихоструйной Клязьмы грозил непокорным князьям. И здесь прикипело его сердце к привезенной из далекого далека асской княжне, которую он нарек своей женой.

Причудливо переплетались в жизни быть и небыль. И сказки и песни, пропетые ему матерью его в колыбели, оставили в сердце князя незабываемый след.

Но все меньше и меньше возвращался Всеволод мыслями своими к былому. Все больше ожесточалось сердце. Израненное алчностью и коварством князей и близких, все чаще молчало оно, подчиняясь рассудку. Все чаще замирали на языке слова, дарующие милость побежденным. И думалось Всеволоду: уйдет он из жизни, не исполнив своей мечты. Рухнут своды Золотых ворот, захиреют, покроются плесенью стены соборов, обветшают крепостные валы, сгниют избы, и волки устремятся стаями на опустевшие улицы города. И потому, спеша, как он думал, творить добро, все чаще творил он зло. А сотворив, каялся и отмаливал грех у иконы Владимирской Божьей Матери.

И все-таки верил князь: объединится Русь в едином порыве, ибо другого пути для нее нет. И в том находил себе оправдание.

Верен он заветам деда своего Владимира Мономаха, который говорил: «В доме своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не надейтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтобы гости

не посмеялись ни дому, ни обеду вашему».

Ехал Всеволод к кузнецу Морхине — поглядеть, как кует он дивные свои мечи. Нет таких мечей ни у греков, ни у немцев, ни у шведов. Оттого и предлагают за них заморские купцы самые дорогие товары. С одного удара рассекает Морхинин меч кольчугу, разваливает надвое крепкие щиты.

Неугасаемый огонь денно и ночно пылает в кузне у Морхины, вздыхают меха, стучат по наковальне тяжелые молоты.

Сам Морхиня — не богатырь, низок он и худощав, но рука у него цепка, свита будто из одних только жил. Бугрятся крепкими корневищами мускулы у Морхины под рубахой, пот крупными каплями стекает по его лицу.

— Здравствуй, княже, — кланяясь с достоинством, приветствовал Всеволода кузнец. — Куды уж и посадить тебя, не ведаю. Черно у меня в кузне, и лавки не прибраны.

— О чем речь твоя, Морхиня? — отвечал князь. — Не меды-брагу пить приехал я на твой двор, а взглянуть на колдовскую твою работу. По всей земле говорят про тебя: нет-де на Руси искуснее мастера. Да и мой меч с твоею меткою. Вот крестик, а вот и буковка...

Расцветая от похвалы, кузнец улыбнулся:

— Без крестика и без букочки вижу — мой. Дай-ко сюда его, княже.

Всеволод вынул из ножен, протянул Морхине меч. Тот принял его с уважением, провел черным пальцем по тонкому лезвию, легким взмахом руки рассек упругий воздух.

Юноты, стоя спиной к пылающему в горне огню, глядели на князя восторженно. И еще дивились они кузнецу: всяко говорили про Морхиню, иные-то мастера и поругивали его за глаза, а у кого гостил Всеволод, с кем вели ласковые беседы? То-то же...

— Нынче есть у меня и получше мечи, — задумчиво сказал вконец размякший Морхиня. — Сбегай-ко, — обратился он к одному из юнот, — принеси-ко тот, что висит у меня над лавкой...

А пока юнота, быстроного выскочив за дверь, отсутствовал, стал показывать князю свою работу.

В тот день проковывал он новую пластину для лезвия: складывал вдвое стальную полосу, указуя молоточком, подбадривал второго юноту — бей сюды, не жалей силы. Громким звоном отвечала на каждый удар тяжелая наковальня.

У Всеволода вспыхивали глаза:

— Веселое ремесло у тебя, коваль. А и сно-

ровка какова!..

— Не трудно сделать, а трудно задумать, — откликнулся Морхиня. — Чай, не в одних руках сила.

— Всякий спляшет, да не как скоморох, — вторил ему князь. — Вижу нынче и сам: не зря про тебя байки складывают.

— В байках что правда, а что и ложь. Куды метишь?! — заорал вдруг Морхиня на юноту, разом забыв, что рядом с ним князь. — Сюды бей, сюды, — отходя так же быстро, как и вспыхнул, постучал он по пластине молоточком.

Понравился Морхиня князю, в кузне, у жаркого огня, отлетали прочь тревожившие его с утра недобрые мысли. И все больше утверждался он в правоте замысленного и содеянного. И выплывало из хаоса мыслей: объятая пожарами Русь, распластанная как этот меч под ударами молота. И выйдет она из горнила краше прежнего — голубою сталью сверкнет в глаза заносчивому чужеземцу...

Вбежал с сияющими глазами юнота¹, посланный Морхиной, онемев от восторга, протянул князю в обеих руках тяжелый меч.

— Вот мой тебе подарок. Не обижай откажом, возьми, княже, — сказал, отрываясь от работы, Морхиня. — А вместе с подарком низкий тебе поклон. Не в одной дружине — и в наших руках сила твоя. Сослужит добрую службу сей меч — вспомнишь владимирского коваля.

— Спасибо тебе, коваль, — растрогался Всеволод, принимая подарок. — И за дорогой подарок спасибо, а еще боле — на добром слове.

Объехал Всеволод до полудня почти всю ремесленную слободу: побывал и у городников², и у мостников³, и у древоделов⁴, заглянул к стеклянникам, бочечникам, судовщикам и опонникам⁵. Все ему были рады, всюду показывали свое умение и мастерство.

Вечером он пир пировал со своей дружиной. Ласков был и добр — многим сам подносил чашу с вином, одарял мехами и золотом.

¹ Юнота — ученик ремесленника.

² Городник — строитель городских укреплений.

³ Мостник — строитель мостов, городских мостовых.

⁴ Древодел — резчик по дереву.

⁵ Опонник — ткач.